

КОГДА РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРОСНЕТСЯ? |

Внутриполитические и международные события последних двух лет, в эпицентре которых оказался экономический кризис, существенным образом повлияли как на ситуацию в стране, так и на социальное самочувствие россиян. И хотя явно не сбываются многочисленные прогнозы, согласно которым не за горами экономическая разруха, в обществе нарастает атмосфера тревожной неопределенности. Некоторые руководители российского государства, а вслед за ними многие специалисты для характеристики происходящих в стране изменений стали использовать понятие «новая экономическая реальность». Возможно для того, чтобы лишней раз не травмировать психику сограждан менее благозвучным термином «кризис», возможно для того, чтобы акцентировать внимание на отличии процессов, происходящих в стране сегодня, от всего того, что происходило в предшествующие годы и десятилетия. В частности, на тот факт, что развивающийся в стране кризис определяется сложной конфигурацией факторов внешнего и внутреннего характера, далеко выходящих за пределы экономики как таковой. В этой связи исследования, касающиеся возможной реакции общества на «новую кризисную реальность», сегодня чрезвычайно актуальны. Прежде всего, важно понять, почему общество, в котором за последние 10–15 лет, казалось бы, изменилось практически все (образ и стиль жизни, потребительские паттерны, мировоззренческие установки, жизненные практики), тем не менее достаточно инфантильно реагирует на кризис, затрагивающий интересы практически всех его групп и слоев, а главное – не ощущает острой потребности в переменах, ни экономических, ни политических?

Владимир ПЕТУХОВ, кандидат политических наук, руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН.

РЕАКЦИЯ ОБЩЕСТВА НА КРИЗИС

288

Первый пласт причин отмеченной реакции общества на кризис традиционен и связан со страхом возможной дестабилизации ситуации в стране, радикальной ломки привычных устоев жизни. Большинство наших сограждан в принципе не имеют ничего против модернизации экономических и политических институтов, но понимают, что демократизация и либерализация российского общества – это лишь один, причем не самый вероятный из возможных сценариев выхода России из кризиса. Кроме того, кризис 2014–2016 гг., в отличие от предшествующих, носит вялотекущий, не очевидный по своей направленности и возможным последствиям характер, что сохраняет для многих россиян надежду на то, что скоро все вернется на круги своя, надо лишь немного потерпеть, ничего не меняя по существу. Тем более, что у большинства из них, во-первых, есть определенный запас прочности, сформированный в предшествующее относительно «сытое» десятилетие, и, во-вторых, психологическая устойчивость к разного рода катаклизмам, с которыми России приходилось сталкиваться не раз. Именно поэтому ориентация на статус-кво, без внешнеполитических «загогулин», без волюнтаристских экономических экспериментов, без агрессивной политической конфронтации, представляется сегодня россиянам наиболее приемлемой для российского государства стратегией пережить трудные времена.

Но главная причина формирования, по выражению Ю. Левады, синдрома «безысходного терпения»¹ коренится в другом. А именно – в институциональном кризисе, который блокирует формирование механизма перевода многообразных индивидуальных, групповых (прежде всего, экономических) интересов на язык общезначимых проблем. За 25 лет посткоммунистической трансформации в стране так и не появились ни сильные независимые профсоюзы, ни предпринимательские союзы, нет ни одной партии с отчетливо выраженной «сред-юнионистской» повесткой. Соответственно, отсутствует «связка» между социальным и политическим участием граждан даже в тех случаях, когда затрагиваются их коренные

1. Левада Ю.А. Человек недоволен: протест и терпение // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 6(44). С. 7–13.

социально-экономические права. С этой точки зрения можно констатировать, что институциональная система современной России, включая сферу публичной политики, экономики, рынка труда и занятости, не адекватна потребностям современного общества.

Благоприятная экономическая конъюнктура 2000-х гг., сопровождаемая существенным ростом доходов большинства россиян, до поры до времени микшировала многие проблемы и противоречия, существующие в обществе, в том числе и в социально-трудовой сфере. Но как будут развиваться события в случае ухудшения ситуации в экономике, сказать сложно. Пока, как показывают исследования, алармистских настроений в обществе не наблюдается. Тем не менее к весне 2016 г. только 7% россиян смогли сказать, что кризис их полностью обошел стороной. Остальные же в той или иной степени уже ощутили его негативные последствия. Причем большинством (51%) это влияние ощущается хотя и не катастрофично, но существенно².

По мере осознания россиянами глубины кризиса, его затяжного характера в «пакет» традиционно тревожащих россиян проблем (рост цен, вечная проблема ЖКХ, бедность и деградирующая социальная инфраструктура) вошла проблема занятости. Под угрозой также оказались такие фундаментальные социально-экономические права и свободы, как право на свободу передвижения (включая выезд за рубеж), право на участие в мирных формах выражения своего недовольства, право на справедливое судопроизводство и даже право на свободу предпринимательства. Тем не менее, как показывают исследования, общество прибывает в состоянии апатии, но апатии особого рода, представляющей собой своеобразный механизм адаптации (прежде всего, социально-психологической) к новой реальности в достаточно широком диапазоне, начиная от снижения планки жизненных притязаний и заканчивая немотивированными выплесками агрессии. Но эти выплески носят, как правило, спорадический характер и практически не влияют на общий характер и направленность политического и общественного активизма, который сегодня переживает очевидный спад. Возможно ситуация изменится после инициированных А. Навальным массовых протестов прокатившихся по стране 26 марта 2017г.

---

2. Эмпирическую базу составили данные мониторинговых исследований Института социологии РАН 2012–2016 гг. по общероссийской выборке (N = 4 000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

СТРАХ ПЕРЕД ПЕРЕМЕНАМИ И ПОСТТОТАЛИТАРНАЯ ТРАВМА

290

Здесь также сказывается и неоднозначное отношение к протестным формам выражения гражданского недовольства среди политической и интеллектуальной элиты. Даже в ее оппозиционном сегменте критическое отношение к существующему политическому режиму сочетается со страхом перед «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным». Либеральная оппозиция, которая претендует на лидерство среди оппозиционных сил, долгое время (особенно в 2011–2013 гг.) возлагала надежды на массовые ненасильственные протестные действия, по образцу «цветных революций». Но события на Украине в 2014 г. резко скомпрометировали этот образец. Соответственно, попытки «растабуировать» саму идею революции некоторыми политиками и интеллектуалами пока особым успехом не увенчались. Более того, в «стране победившего Октября» само понятие «революция» отторгается массовым сознанием. На ассоциативном уровне его воспринимают позитивно лишь 11% опрошенных, 41% нейтрально и 47% – негативно. И дело здесь, конечно, не в революции столетней давности и даже не в украинском Майдане, а в посттоталитарной травме, которая получена российским обществом в 1990-е гг. после слома привычных устоев жизни и которая до сих пор обществом до конца не залечена³.

Кроме того, у общества нет не только стремления к переменам, но и понимания, какие именно перемены надо желать (кроме, разве что, самых общих идей снижения гигантской дифференциации доходов и борьбы с коррупцией). Нет и авторитетных организованных сообществ, готовых политически возглавить протестные выступления. Между тем главное отличие протестных форм активности от иных форм политического участия состоит в том, что протест способен самостоятельно «производить» политический дискурс и повестку, предлагая новый язык и альтернативные механизмы коммуникации. Пять лет назад лозунг «За честные выборы» сумел консолидировать самые разные в идейно-политическом и социальном плане группы и слои населения (прежде всего, жителей двух столиц). Через

3. Подробнее см. об этом: Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2; Федотова В.В. Русская апатия как противостояние хаосу // Политический класс. 2005. № 1.

социальные сети тогда удалось наладить и заметно упростить протестное взаимодействие, а главное – «вывести» из виртуального пространства в реальное целую плеяду молодых гражданских активистов. Ничего похожего сегодня не наблюдается. Характерно, что 26 марта протестные выступления проигнорировали все оппозиционные партии, как системные, так и не системные, а их организатором выступила общественная организация – Фонд борьбы с коррупцией А.Навального. И дело здесь не только в слабости несистемной оппозиции. Причина скорее в заметном снижении интереса россиян к общественно-политической деятельности как таковой.

Так, если в относительно благополучном, с точки зрения показателей социального самочувствия, докризисном 2012 г. о готовности отстаивать (в той или иной степени) свои политические и социально-экономические права заявляли 29% и 44% опрошенных, то весной 2016 г. – 17% и 29% соответственно (табл. 1). В этом, однако, нет ничего неожиданного. Социологам давно известно, что декларируемая готовность протестовать бывает выше в относительно спокойные годы по сравнению с кризисными. Одно дело – заявлять о своей готовности выйти на улицу и заявить о своих требованиях, когда в стране или конкретном регионе все спокойно и тебе лично ничего не угрожает, и совсем другое, когда ситуация реально обостряется, когда за такой выход можно «схлопотать» 15 суток, а то и «двушечку».

ТАБЛИЦА 1. ГОТОВНОСТЬ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В МАССОВЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ В СВОЕМ ГОРОДЕ, СЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ (ДАЙТЕ ОДИН ОТВЕТ ПО КАЖДОЙ СТРОКЕ)

	2012	2014	2016
I. Митинги и демонстрации в защиту политических прав и свобод (свобода слова, собраний, шествий и т.п.)			
1. Безусловно, да	10	5	4
2. Скорее да	19	17	13
3. Скорее нет	48	49	41
4. Безусловно, нет	24	30	42
II. Митинги и демонстрации в защиту экономических и социальных прав граждан			
1. Безусловно, да	14	6	7
2. Скорее да	30	26	22
3. Скорее нет	34	42	34
4. Безусловно, нет	21	26	37

Источник: Данные мониторинговых исследований Института социологии РАН 2012–2016 гг.

Также необходимо признать, что россиян, понимающих взаимосвязь между уровнем и особенно качеством жизни и наличием или отсутствием этих свобод, меньшинство. Первая за последние годы широкомасштабная акция протеста дальнобойщиков (2015–2016 гг.) отчетливо это продемонстрировала. Политические партии, прежде всего КПРФ, предлагали свою помощь в организации протеста, но протестующие высказались против «политизации» их требований, профсоюзы в лице ФНПР даже и не пытались это сделать, а ведущие телеканалы просто проигнорировали эту акцию. В результате поддержку со стороны граждан страны дальнобойщики не получили. Как ранее не получали ее врачи, учителя, сотрудники Академии наук, протестовавшие против «реструктуризации» их ведомств.

Но важно и другое. Сами участники этой акции с самого начала апеллировали исключительно к власти. И не просто к власти, а к президенту страны. Этот феномен политолог Г. Голосов объясняет тотальной зависимостью большей части населения от государства. «Российская сырьевая экономика породила рост благосостояния преимущественно для слоев населения, зависимых от государства: пенсионеров и бюджетников. Их доходы росли опережающими темпами»⁴. Б. Капустин также объясняет происходящие процессы «освобождением капитала от труда», т.е. перерождением капитализма из производственного в спекулятивно-паразитический. Вследствие этого российскому капитализму удалось «продвинуться» даже дальше Запада по пути демонтажа социальной защиты населения, коммерциализации здравоохранения, образования и культуры, почти полного искоренения профсоюзного движения, «виртуализации» жизни и т.д.⁵

РОСТ НЕПОЛИТИЧЕСКОГО ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА

Из сказанного выше, однако, вовсе не следует, что российское общество окончательно погрузилось в «летаргический сон». Спад протестной активности не тождествен угасанию политической и общественной жизни в стране. Фиксируемое массовыми опросами снижение интереса к «большой

4. Голосов Г. Телевизор не поможет: Почему экономическое недовольство в России обречено на политизацию // Slon. 2015. URL: <https://slon.ru/posts/60502>

5. Капустин Б.Г. Почему демократия перестает работать: Политэкономический взгляд на современный мир // Русский журнал. 2011. 9 ноября.

политике» сопровождается, особенно в молодежной среде, латентной политизацией значительных сегментов разного рода субкультур и неформальных движений. Приметой времен также стала актуализация неполитического гражданского активизма, особенно в регионах, и изменение качества этого участия. Оно становится более осмысленным, социально мотивируемым и для многих совершенно бескорыстным. Есть ощущение, что наше общество, особенно его молодая часть, устало от разобщенности и эгоизма. Это дорогого стоит, учитывая, что совсем недавно политическая и общественная деятельность, не сулившая каких-то прямых материальных или карьерных выгод, рассматривалась значительной частью населения, включая активистское, «продвинутое» меньшинство, как сугубо маргинальная.

Причем россияне, особенно молодые, все более активно задействуют современные информационные технологии и зачастую действуют в логике, альтернативной традиционным политическим институтам. Поэтому уже в ближайшее время можно ждать появления самых различных форм и практик отстаивания гражданами своих трудовых и иных социально-экономических прав, многие из которых будут носить сетевой (неформальный) характер и в которых будет сочетаться социальная и политическая повестка. Социальные сети и Интернет сами по себе не являются движущей силой выражения недовольства, но они создают структуру горизонтальных связей, своеобразные мосты коммуникации от одной группы к другой, благодаря которым достигается взаимодействие между ними для достижения тех или иных целей.

В нашей стране такое взаимодействие пока не получило широкого распространения. В то же время, по оценке П. Бизюкова, ведущего специалиста Центра социально-трудовых прав (ЦСТП), при сравнительно небольшом количестве протестных акций (всего 409 забастовок в 2015 г., из них «стоп-акций», т.е. забастовок, приводящих к частичной или полной остановке предприятий, еще меньше – 168), в последнее время происходит изменение их качества. Оно, по его мнению, связано «с переходом от локальных (точечных) протестов, возникающих на отдельных предприятиях, к сетевым акциям, объединяющим под одинаковыми лозунгами работников разных предприятий и организаций, разных отраслей, городов и регионов, заключается качественное изменение протестного движения в России»⁶.

6. Бизюков П. Мониторинг ЦСТП «Трудовые протесты в России», октябрь-ноябрь 2015 // Все о трудовых правах. 2015. URL: <http://trudprava.ru/monitoring/1568>

Многие исследователи, в частности болгарский политолог И. Крастев, также обращают внимание на интенсивный процесс «конвергенции» многих социальных и политических движений, характерный прежде всего для тех из них, которые борются за гражданские и трудовые права граждан. Проанализировав опыт политических выступлений молодежи в таких разных странах, как США, Испания, Бразилия, Греция и Россия, он нашел в них некоторые общие черты. Первой является то, что он назвал «участие без представительства»: практически ни в одной из перечисленных стран в организации социального протеста не принимали участие официальные профсоюзы и партии. Вторая общая черта заключается в их идеологической гетерогенности, а третья – в том, что если не доминирующую, то очень важную роль во всех этих выступлениях играл «глобальный средний класс»⁷. То есть, Крастев предвосхитил ровно то, что имеет место в современном протестном движении России.

Также заслуживает внимания появление групп и слоев населения, которые начинают осознавать взаимосвязь между уровнем и особенно качеством жизни и наличием или отсутствием политических свобод. Особенно их много среди так называемых «самодостаточных россиян», представляющих собой не отдельную социальную страту, а скорее конгломерат разных групп и слоев общества, отличительной особенностью которых является отсутствие потребности в государственном патронаже, выстраивание жизненных стратегий в соответствии с собственным пониманием жизненного успеха и способами его достижения. Характерно и то, что представители большинства социально-профессиональных групп, как аффилированных с государством, так и не аффилированных с ним, заявляют о готовности решать свои проблемы самостоятельно. Исключение – пенсионеры (что вполне естественно), жители села и рабочие промышленных предприятий и строек. Причем наибольшую готовность демонстрируют, и это несколько неожиданно, инженерно-технические работники, работники финансовых компаний и сферы услуг, а также студенты (см. табл. 2).

Безусловно, число реализующих практически свою самодостаточность существенно меньше, чем в ответах интервьюерам, особенно когда речь

7. Крастев И. О политике протеста в эпоху глобализации: уход, шум и нелояльность // Полит.ру. 2015: <http://polit.ru/article/2015/05/06/krastev>

ТАБЛИЦА 2. ГОТОВНОСТЬ РЕСПОНДЕНТОВ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП ОБЕСПЕЧИВАТЬ СЕБЯ И СВОЮ СЕМЬЮ БЕЗ ПОДДЕРЖКИ ГОСУДАРСТВА, % (ЗАКРЫТЫЙ ВОПРОС, ОДИН ВАРИАНТ ОТВЕТА)

Социально-профессиональные группы	Я смогу сам(-а) обеспечить себя и свою семью и не нуждаюсь в поддержке со стороны государства	Без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить
Все опрошенные	44	56
Рабочие промышленности, строительства и т.п.	47	53
Инженерно-технические работники с высшим образованием	65	35
Работники сферы обслуживания и транспорта	51	49
Работники финансовых компаний и сферы услуг с высшим образованием	62	38
Работники бюджетной сферы (образование, здравоохранение, культура, управление) с высшим образованием	55	45
Работники бюджетной сферы без высшего образования	48	51
Военные, работники МВД, налоговых органов	52	48
Студенты вузов	59	41
Пенсионеры городские	16	84
Жители села	42	58

Источник: Данные мониторинговых исследований Института социологии РАН 2012–2016 гг.

идет о социальном и политическом участии. Тем не менее, сам факт наличия в обществе значимого сегмента людей, воспринимающих себя именно в качестве граждан (даже не всегда являясь ими по сути), а не подданными государства, преодоления хотя бы частью общества патерналистских настроений создает предпосылки для эволюции страны в направлении ее большей открытости и законности. Ведь именно появление автономного типа личности дает импульс становлению «свободной социальности», т.е. общества, обладающего собственными, внутренними, отличными от государства и несводимыми к нему механизмами интеграции⁸.

Пока мы находимся лишь на начальной стадии социальной трансформации, а «самодостаточная» часть общества, так же как и большая часть политической и экономической элиты и население в целом, прибывают в

8. Ворожейкина Т.Е. Авторитарный режим и общество: разрушение или сопротивление // Полит.ру. <http://polit.ru/article/2016/06/05/authoritarianism/>

некоторой растерянности, дезориентации в отношении настоящего и будущего страны.

И «самодостаточные» и «зависимые» от властей трудящиеся пока очевидное предпочтение отдают индивидуальным формам адаптации, а не коллективным действиям – как политическим, так и сугубо тред-юнионистским. Также вполне ожидаемо, что в ответах респондентов на вопрос «К какому способу защиты своих прав, в случае их ущемления, Вы готовы прибегнуть» чаще других оказались востребованными законные и нерадикальные формы самозащиты и политического участия. Чаще других фигурировали: «решение проблем через судебные органы» (29%), «петиции, обращение в органы власти» (19%) и «обращение в СМИ» (17%). Выборы, участие в деятельности политических партий, профсоюзах, разного рода общественных формирований отмечались существенно реже (12%, 7% и 6% соответственно). К собственно же протестным действиям, реализуемым в законных формах (забастовках, митингах, демонстрациях), а также не вполне законных, но мирных акциях гражданского неповиновения (неуплата налогов, жилищно-коммунальных платежей), в случае необходимости готов прибегнуть каждый десятый респондент. И лишь 2% опрошенных допускают (по крайней мере на словах) использование оружия для защиты своих интересов.

ПРИЧИНЫ СНИЖЕНИЯ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ГРАЖДАН

Каких-то принципиальных изменений в предпочтениях форм индивидуальной и коллективной самозащиты за последние четыре года не произошло. Может быть, исключением из данной тенденции можно считать заметное снижение востребованности собственно протестных действий – забастовок, митингов, демонстраций (с 19% в 2012 г. до 11% в 2016 г.). Характерно и то, что практически каждый второй опрошенный заявил, что даже в случае ущемления тех или иных его прав и свобод ничего предпринимать не будет. Половина из их числа – по причине неверия в возможность что-то изменить в окружающей реальности. Другая же половина, напротив, полагает, что в состоянии сама, без посредников, справиться с возникающими трудностями и проблемами (*см. табл. 3*).

Анализируя вероятность роста или, напротив, сокращения протестного потенциала, важно обратить внимание не только на тех, кто открыто декларирует свою позицию, но и на весьма многочисленную группу респондентов, заявивших о своем безразличии ко всем имеющимся возможностям социального и политического участия, включая протестные. Их оказалось очень много – 27% опрошенных уверены, что в настоящее время эффективных способов воздействия на власть просто не существует. Безусловно, большая их часть реализуют индивидуальную модель адаптации в рамках среды своего непосредственного окружения. Речь идет, прежде всего, о городском среднем классе, который становится все более значимой и быстро растущей общественной силой. Безусловно, «средний» россиянин сегодня по своим установкам ориентирован на спокойный потребительский образ жизни, достаток и комфорт. Он аполитичен и требует от власти в первую очередь того, чтобы она к нему «не приставала». Однако опыт его

ТАБЛИЦА 3. ДИНАМИКА ГОТОВНОСТИ РЕСПОНДЕНТОВ ЗАДЕЙСТВОВАТЬ ТЕ ИЛИ ИНЫЕ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ СВОИХ ПРАВ В СЛУЧАЕ ИХ УЩЕМЛЕНИЯ, % ОПРОШЕННЫХ (ЛЮБОЕ ЧИСЛО ВАРИАНТОВ ОТВЕТА)

Варианты ответа	2012	2014	2016
Участие в забастовках, митингах, демонстрациях и иных формах социального протеста	19	12	11
Участие в выборах местных и федеральных органов власти, деятельности политических партий	13	11	12
Участие в акциях профсоюзных организаций, в деятельности советов трудовых коллективов	9	5	7
Участие в деятельности неполитических общественных объединений (типа обществ защиты прав потребителей)	7	6	6
Участие в мирных акциях гражданского неповиновения (неуплата налогов, жилищно-коммунальных платежей и т.п.)	5	5	9
Вооруженное сопротивление	3	3	2
Петиции, обращение в органы власти	13	15	19
Обращение в средства массовой информации	22	12	17
Решение проблем через судебные органы	23	28	29
Обращение в криминальные структуры	2	2	1
Ни к какому, поскольку эффективных способов воздействия на власть сегодня нет	15	27	27
Ни к какому, так как сами привыкли решать свои проблемы	30	28	26

Источник: Данные мониторинговых исследований Института социологии РАН 2012–2016 гг.

формирования в переходных обществах много раз демонстрировал, что в кризисных ситуациях именно средние слои часто выступали «застрельщиками» радикальных форм выражения своего недовольства. Особенно тогда, когда крупный бизнес и государство стремятся переложить собственные проблемы на мелкий и средний бизнес.

Пока же происходит замыкание людей на проблемах частной жизни, поиск ниш, где можно как-то переждать, пережить трудные времена, если они действительно наступят. Реальную же опасность представляет возможная радикализация «малых групп», а также ползучая легитимация насилия в качестве инструмента разрешения хозяйственных споров и борьбы с политическими оппонентами. Формально число радикалов, готовых с оружием в руках отстаивать свои интересы, как уже отмечалось, невелико и на протяжении многих лет остается практически неизменным (находясь в диапазоне 1–3%). Причем очевидно, что между бравадой, свойственной в основном молодежи, и реальной готовностью – дистанция огромного размера. В то же время число примеров «насилия от бессилия» в последнее время растет с пугающей быстротой. Между тем, как показали события в соседней Украине, для дестабилизации ситуации в стране может хватить и 500–700 человек при условии, что для значительного слоя населения «революционное насилие» кажется не только законным и справедливым, но и единственно возможным способом оказать давление на власть. Следует также присоединиться к оценкам некоторых экспертов, считающих, что 1–2% «пассионариев» обладают мультиплицирующим эффектом, способным побудить к активным действиям еще 5–7% населения.

В этой связи возникает закономерный вопрос о возможности, при неблагоприятном развитии событий в стране, складывания «революционной ситуации», аналогичной киевскому Майдану. Свыше 70% россиян отвечают на этот вопрос отрицательно. Схожего мнения придерживается и большая часть экспертного сообщества. Тем не менее, настораживает тот факт, что около трети опрошенных согласны с тем, что в случае, если законные способы борьбы за свои права не дают результатов, допустимым является (как крайняя мера) проведение несанкционированных митингов, демонстраций, забастовок, перекрытие дорог.

Понятно, как на это может отреагировать российская власть. Чтобы избежать этих рисков, в ситуации, когда градус общественного недовольства

растет, чрезвычайно важным представляется определение границы между законным правом людей на протест и экстремизмом. Это важно еще и потому, что в последнее время «под сурдинку» борьбы с экстремизмом, «оранжевой чумой» и т.п. осуществляется целенаправленное «свертывание» большинства легальных форм выражения социального недовольства и даже критики властей. Между тем эта граница вполне очевидна. Как справедливо отмечает В. Иноземцев, любой экстремистской деятельности присущ феномен вождизма и авторитаризма. По его мнению, бессмысленно ожидать появления здесь лидеров – носителей демократических принципов: «этого не случится потому, что демократия предполагает необходимость прислушиваться к мнению большинства и меньшинства, в то время как разного рода “борцы” одержимы лишь собственными идеями или религиозными догмами. Ни в одной стране радикальные “освободительные” движения не породили демократических порядков, не стоит ждать чуда и сегодня»⁹. Участники же гражданского протеста, напротив, «взывают к принципам конституционной демократии, апеллируя к идеям фундаментальных прав и демократической легитимности. Этот протест, таким образом, есть средство восстановления связи между гражданином и политическим обществом (то есть властью) в условиях “провала” легальных попыток первого влиять на второе»¹⁰. Иначе говоря, очаги сопротивления возникают там и тогда, когда значительное число граждан убеждается в том, что или существующие легальные каналы влияния на власть и бизнес не могут быть задействованы, или если они не получают должной реакции на свои требования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОБЩЕСТВО И ЭЛИТА ПОКА ЧТО ПРЕБЫВАЮТ В РАСТЕРЯННОСТИ

Основной вывод, который можно сделать по результатам последних исследований ИС РАН, состоит в том, что пока внятной общественной реакции на «новую кризисную реальность» нет. Россияне, так же как и большая часть политической и экономической элиты, прибывают в

9. Иноземцев В. Терроризм как «освободительная» борьба: новая встреча со старым феноменом // Свободная мысль XXI. 2005. № 9 (1559). С. 23.

10. Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003. С. 749–750.

некоторой растерянности, дезориентации в отношении настоящего и будущего страны. Сохраняется инерция, надежды на то, что все само как-нибудь «рассосется», надо лишь немного потерпеть, ничего не меняя по существу. Отсюда спад протестной активности, как социальной, так и политической. Одновременно с этим растет понимание, что без серьезной переоценки тех стратегий и приоритетов, которые оправдали себя в минувшее относительно благополучное десятилетие, страна вряд ли преодолет кризис и сможет успешно двигаться вперед. Общество подошло к рубежу, когда оно либо окончательно согласится с существующим порядком вещей, либо люди начнут искать пути и способы более активного влияния на окружающую их жизнь. Тем более, что умножающиеся вызовы, с которыми сталкивается страна и с которыми государство в одиночку уже не справляется, объективно востребуют энергию общественной самодеятельности.